

## АКТУАЛЬНОСТЬ МОДЕЛИ АНТИУТОПИЧЕСКОГО МИРА В РОМАНЕ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»

*Иван Ананиев*

*Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского*

## THE RELEVANCE OF THE ANTI-UTOPIAN WORLD MODEL IN YEVGENY ZAMYATIN'S NOVEL *WE*

*Ivan Ananiev*

*Paisii Hilendarski University of Plovdiv*

*ivan.a@uni-plovdiv.bg*

The paper attempts to highlight the relevance of the anti-topian model of the world created by Yevgeny Zamyatin in his novel *We*. The novel depicts a future world awaiting humanity. Zamyatin's work is significant not only for its „prophetic“ nature but also as a „warning“. It warns that a totalitarian state destroys individual identity and reduces a person to a „cog“ in a huge machine. Moreover, modern anti-utopian literature warns its readers to the ongoing threat of totalitarian regimes, which has not yet disappeared.

**Key words:** anti-utopia, fictional world, Y. Zamyatin, novel, *We*

Е. Замятин принадлежит к писателям «еретикам» в русской литературе. Он обладал смелостью говорить правду и отстаивать свою внутреннюю независимость. В своей статье «Я боюсь» он пишет: «Пролетарские писатели и поэты – усердно пытаются быть авиаторами, оседлав паровоз. Паровоз пыхтит искренне и старательно, но непохоже, чтобы он поднялся на воздух. За малыми исключениями (вроде Михаила Волкова в московской «Кузнице») – у всех пролеткультовцев революционнейшее содержание и реакционнейшая форма... И я боюсь – аэропланы, из число юрких, всегда будут обгонять честные паровозы и «притаившись под эгидой свободы, похищать ее именем милостное торжество» (Замятин 1921: 44). Загруженный общественной,

издательской, преподавательской работой, Замятин в период 1917 – 1921 гг. создает рассказы, среди которых такие блистательные, как «Пещера» и «Мамай». Он пробует свои силы в драматургии («Огни св. Доминика») и пишет свое «главное» произведение – роман «Мы». Замятинские рассказы, в которых не были слышны дифирамбы революции, а была трезвая оценка ее последствий, смутили современников писателя. Отношения с литературной общественностью еще больше обострил роман «Мы» (1921), который при жизни автора не был опубликован на родине и который слышали многие современники писателя, поскольку Замятин неоднократно выступал с публичными чтениями своего произведения. Но до своего читателя роман дошел с огромным опозданием – почти на семь десятилетий. Широкая читательская аудитория не имела возможности познакомиться с самим произведением, узнавала о нем из критических статей, а по сути пасквилей. До 1988 года роман был известен в основном за рубежом, где еще в 1920-е годы текст дошел до читателей благодаря переводам: сначала на чешский, а потом и на английский и французский языки.

Скороспелова в своем исследовании отмечает, что такой перерыв «мог бы стать для писателя роковым, если бы не универсальность поднятых им вопросов, если бы не смелость художественного эксперимента, опережавшего время» (Скороспелова 2014: 13). Доверие к утопии в XX веке было подорвано. Николай Бердяев назвал утопию «проклятием нового времени». В своей книге «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы (Демократия, социализм и теократия)» он пишет: «И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления... как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее «совершенному» и более «свободному обществу» (Бердяев 1991: 474). Роман «Мы» Е. Замятина был ответом на острую необходимость противостоять тоталитарному режиму. Критикуя утопические идеи большевистской конъюнктуры, писатель создает философскую работу с посланиями, выходящими за пределы национальной конкретики и современных реалий и опережает прогнозы исследователей антиутопии XXI века.

Е. Замятин проводит параллели не только между природными и социальными явлениями, но и между современностью, с одной стороны, и прошлым человечества – с другой. Антиутопическая модель мира в романе проецируется, создавая параллель с основными конструкциями из истории человечества, переворачивая их. В этой модели все сводится к абсурду: благодаря новой, редуцированной в механическую Вселенной, достигается идея коллективизма, который подавляет

и уничтожает личность, превращая ее в «винт» огромного механизма Государства. Причем наряду с условностью, фантастичностью роману свойствен также психологизм, что драматизирует социально-общественную, идеологическую проблематику. Только на основании таких критериев возможно определить меняющиеся с течением времени границы этого антижанра<sup>1</sup>. Критерии определения произведения как антиутопического опираются на восприятие текста читателем и сущность представленной социальной модели. Антиутопия – это прежде «всего не фабула, не сложный, тонко прорисованный психологически или эмоционально образ отдельного человека-героя, а именно моделирование социума и восприятие этой модели читателем» (Солдатов, Тузовский 2010: 42). На основе анализа широкого спектра произведений, которые критикой относятся к антиутопиям и дистопиям<sup>2</sup>, авторы этой статьи выделили социально и культурфилософские критерии антиутопического жанра. Таким образом, антиутопия может быть понята как социальная модель при наличии следующих критериев:

- модель служит средством социальной диагностики и прогноза-предостережения существующим трендам развития;
- система ценностей и норм антиутопического социума должна вызывать у читателя неприятие; он должен эмоционально отторгать социум антиутопии;
- читатель должен сопереживать *герою-асоциалу* или нонконформисту, который также не разделяет основных норм и ценностей моделируемого социума. Первая дополнительная черта определения социума как антиутопического заключается в специфике политической организации антиутопического социума. Политическая система антиутопического социума может быть

---

<sup>1</sup> Под «антижанром» здесь подразумевается форма, в которой текст сознательно противостоит жанровым ожиданиям и традициям, преодолевая их изнутри. Такая трансформация, нарушающая систему признаков жанра, может быть осмыслена в свете идей Ю. Н. Тынянова о динамике литературного развития, где жанр рассматривается как подвижная структура, способная к внутреннему распаду и переосмыслению (см. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции. // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1993. – С. 270–290).

<sup>2</sup> В данной работе термин «антиутопия» используется для обозначения литературной формы, которая не просто изображает негативное общество, но и ставит под сомнение саму концепцию утопии, критикуя её идеалистические основы. «Дистопия», в свою очередь, более общее понятие, обозначающее любое общество, где преобладает жестокость, угнетение и социальная несправедливость. Таким образом, антиутопия является специфической формой дистопии, которая направлена на критику утопического идеала.

(только может быть, но вовсе не обязательно является) тоталитарной. Она может строиться на праве силы и насилии. Политическая система может использовать тотальный надзор за всеми гражданами. Еще одна возможная дополнительная черта – значительная разница между принципами жесткого ограничения человеческой свободы, пропагандируемой государством антиутопии, и образом жизни элиты этого государства. Перечисленные выше критерии полностью реализованы в модели Единого Государства Е. Замятина.

Философия Единого Государства направлена на несвободу личности, на использование диктатуры и насилия. Сущность этой философии отражена в такие ее максимы, как «дикое состояние свободы», «математически непогрешимое счастье», «благодатное иго разума», «самая жесткая и высокая любовь – это жестокость», которые свидетельствуют об античеловечности и дегуманизации. Насилие приобретает космические масштабы – в Государственной Газете напечатано обращение к строителям «ИНТЕГРАЛА»: «Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах – быть может, еще в диком состоянии свободы... наш долг заставить их быть счастливыми» (Замятин 1989: 14). Мир рабства, создающий иллюзию счастья, заставляет всех безоговорочно верить в Благодетеля. Превращение людей в безликие цифры подразумевает конформизм, слежку и насилие. Жесткая цензура охватывает все сферы деятельности. За антигосударственные стихи против Благодетеля в присутствии женщин и детей, привыкая их к жестокости и покорности, казнят поэта, дерзнувшего написать о Благодетеле кощунственные стихи. «Преступника» казнит сам Благодетель, тяжкий, каменный, как судьба. Сверкает острое лезвие луча его Машины (машина Благодетеля конечно уже не грубая махина былых времен, а усовершенствованный аппарат, буквально в мгновение уничтожающий жертву), и вместо нумера – «лужа химически чистой воды, еще минуту назад буйно и красно бившая в сердце...» (Замятин 1989: 37).

Пытаясь не допустить пробуждения свободного духа, люди в механизированном государстве живут в изолированном и ограниченном пространстве. Стена, огораживающая Единое Государство, отделяет совершенный механизированный мир от «неразумного бесформенного мира деревьев, птиц, животных...» (Замятин 1989: 70). Если Единое Государство – город разума – символизирует рациональную жизнь, то мир за Зеленой стеной – это древний фантастический мир – мир корня минус

один. Государство ревностно оберегает своих граждан от восстановления связи с этим миром, которая заставила бы их мечтать, восставать против установленного порядка. Свободная «неорганизованная» и «дикая» жизнь прошлого преодолевается и люди превращаются в единый механизм, управляемый *Скрижалями Времени*. Каждое утро, как «единые колеса», в один и тот же час, в одну и ту же минуту миллионы жителей становятся единым целым. Главный герой, строитель фантастического Интеграла, с помощью которого Единое Государство стремится покорить космическое пространство и заставит всех его обитателей тоже быть счастливыми, уверен, что рано или поздно и этим часам найдется место в общей формуле, а все 86 400 секунд поместятся в песочные часы. Таким образом, благодаря сокращению времени и пространства Единое Государство способно выполнить все свои задачи. В этом ограниченном, замкнутом мире (по ходу повествования сосед главного героя открывает формулу, доказывающую, что бесконечности не существует – Вселенная имеет пределы) теперь легко ограничить, а точнее, заменить все. Бога нет – всемогущим и добрым является диктатор, которого жители называют Благодетелем. Люди больше не служат своему бездумному, неведомому Богу, который дал им лишь «вечные, мучительные поиски». Они приносят себя в жертву «видимому», осмысленному и точно известному Богу – Единому Государству.

Антиутопическую модель мира, которую Е. Замятин создал в своем романе «Мы», превратилась в эталон для будущих писателей XX века. Сравнивая фантастику Ильи Эренбурга и Алексея Толстого с романом Евгения Замятина, Юрий Тынянов пишет: «Удача Замятина, и удачливость Эренбурга, и неудача Толстого одинаково характерны. Удача Замятина – личная удача, его окристаллизованный роман цельным сгустком входит в литературу» (Тынянов 1993: 254). Это дает основания считать роман Е. Замятина не только генезисом русской антиутопии XX века – как например «Приглашение на казнь» В. Набокова, «Чевенгур» А. Платонова, – но и зарубежных писателей: романы Томаса Хаксли «О дивный новый мир» и «1984» Дж. Оруэлла. В большинстве случаев доказать прямое влияние романа Евгения Замятина на творчество более поздних авторов невозможно. Вл. Набоков пресекал попытки выявить влияния в своем творчестве. Он не признавал преемственности своего творчества с предшественниками, даже если речь шла о его любимых авторах, таких как Джойс или Кафка, Роб-Грийе или Борхес. Он не признавал влияния Достоевского, хотя оно бросается в глаза во многих его произведениях. «Что же говорить о Замя-

тине? – пишет О. А. Казнина. – Может быть, это еще один случай намеренного «забвения» значимого и глубоко пережитого творчества непосредственного предшественника?» (Казнина 2015: 60). Олдос Хаксли, автор книги «О дивный новый мир», тоже категорически отрицал знакомство с произведением русского писателя. Однако идеи, коллизии, сюжетные ходы, к которым обращался Замятин в романе «Мы», раз за разом повторяются в утопиях и антиутопиях XX века. Черты сходства романа «О дивный новый мир» с романом «Мы» побуждают задаться вопросом если не о влиянии Замятина, то по крайней мере о перекличке идей и мотивов и о жанровой природе этих произведений. Джордж Оруэлл в «Рецензии на «Мы» Е. И. Замятина» отмечает: «Первое, что бросается в глаза при чтении «Мы», – факт, я думаю, до сих пор не замеченный, – что роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», видимо, отчасти обязан своим появлением этой книге ... Итак, сходство с романом «О дивный новый мир» разительное» (Оруэлл 1946: 3). Действительно, обе произведения рассказывают о бунте природного человеческого духа против рационального, механизированного, бесчувственного мира, в обоих произведениях действие перенесено на шестьсот лет вперед. Атмосфера обеих книг схожа и изображает один и тот же тип общества. Очень важной характеристикой Единого Государства (Мирового Государства в романе «О дивный новый мир») становится мотив машины, механизма, числа, таблицы умножения. Речь идет не о технике и ее роли в государстве будущего – сама по себе техника Единого Государства ничем особенным не примечательна – речь идет о «неприродном, неестественном, искусственном происхождении «нового мира» (Скоропелова 2014: 15). Олдос Хаксли (1894 – 1963) выступил как продолжатель Е. Замятина и в том, что у него развернута «схожая коллизия» (Зверев 1989: 342). Сам Хаксли указал ключ к коллизии, вокруг которой строится действие, причем сделал это на первых же страницах. Там описан лондонский ИВЦ – Инкубаторий и Воспитательный Центр, где с помощью генной инженерии получают великолепные людские образцы разных пород. Некто мистер Фостер, сотрудник этого учреждения, излагая его задачи, неистощим в доказательствах их практической важности для структуры общества – здесь формирует соответственно потребности в чернорабочих, в механиках ракетопланов или в государственных мужах, воздействуя на мутацию, чтобы выдать запрашиваемый продукт высшего качества и в нужном количестве. Этот процесс называется «боканоовскизация» (по методу Бокановского). Дети, рожденные искусственным способом, воспитываются (подобно детям в ро-

мане «Мы», которые растут в Детско-воспитательном Заводе) гипнопедией – «величайшая нравоучительная сила всех времен». Словно воде, которая способна капля за каплей проточить самый твердый гранит, голос со стороны повторяет словесные формулы, пока сознание ребенка не заполнится тем, что внушил голос, и то, что внушено, не «станет в сумме своей сознанием ребенка». И не только ребенка, а и взрослого – на всю жизнь остается то, что внушено Государством.

При своем появлении в 1932 г. «О дивный новый мир» был воспринят, главным образом, как сатира имеющая совсем конкретный адрес. Считалось, что автор высмеял самонадеянную претензию верующих в близость земного рая, обеспеченного интенсивным развитием производства на фордовских началах. Но вскоре поводы искать в романе такую злобу дня исчезли, и тогда обнаружились в нем более глубокие смыслы. Самым ясным из них была тревога, называемая бездуховностью и стандартизацией, в которых писатель опознал не мимолетное поветрие, а знамение века. Стало ясно, что он не ошибся; «дивный мир», где коренными принципами объявлены ОБЩНОСТЬ, ОДИНАКОВОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ, оказался первообразом нерадостных явлений эпохи, в экстазе предавшейся потребительству. Хаксли предвосхищает проекты фашизма. Резкий антиавторитаризм и антиэтатизм Хаксли, его внимание к общественной инициативе и самоуправлению позволяют отнести его к кругу либертарианских мыслителей (Олдос Хаксли<sup>3</sup>, Джон Лок, Фридрих Хайек, Мюррей Ротбард, Айн Рэнд, Роберт Нозик). Книги Хаксли наполнены идейными построениями и спорами, в которых предугаданы проблемы XX века. Не случайно книгу Хаксли впоследствии назвали сбывшемся пророчеством. Роман Е. Замятина «Мы», также назван пророческим. Но «преимущество» этого пророчества в том, что – по словам Дж. Оруэлла – «книга Замятина в целом по духу ближе сегодняшнему дню» ... она заключает в себе политический смысл, отсутствующий в романе Хаксли. Именно это интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма – жертвенности, жестокости как самоцели, обожания Вождя, наделенного божественными чертами, дает основательные доводы Дж. Оруэлла «поставить книгу Замятина выше книги Хаксли» (Оруэлл 1946: 4).

---

<sup>3</sup> Олдос Хаксли придавал большое значение инициативе «снизу» – активности граждан и системам самоуправления. Все это позволяет отнести его к числу либертарианских мыслителей, отстаивающих приоритет личной свободы, ограничение государственных функций и добровольные формы общественного устройства.

Модель «мирового города», которую создал Е. Замятин, чаще всего сравнивается с фикциональной вселенной, созданной Дж. Оруэллом в его книге «1984», но эту картину мира мы можем увидеть еще в романе «Мы» Е. Замятина. Действие романа «Мы» происходит в XXVI веке в Едином Государстве, покрывшем всю планету. Единственная разница в том, что в книге Джорджа Оруэлла тотальная слежка в обществе осуществляется уже на другом, значительно более высоком технологическом уровне. В этом смысле произведение Замятина можно назвать не только пророчеством, но и предупреждением о том, как люди будут жить в одном-единственном городе – непрерывной урбанистической системе, покрывающей земной шар. Роман Е. Замятина предупреждает о том, что «Единый мир» возможен только тогда, когда осуществлена гармония между человеком и обществом; о том, что тоталитарное государство уничтожает личность человека и превращает его в «винтик» огромного механизма, а современная антиутопическая литература предостерегает читательскую аудиторию – угроза тоталитарных режимов еще не исчезла.

## ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев 1991:** Бердяев, Н. А. Демократия, социализм и теократия. [Berdyayev, N. A. Demokratiya, sotsializm i teokratiya.] // *Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы*. Москва: Феникс, 1991.
- Замятин 1921:** Замятин, Е. *Я боюсь*. [Zamyatin, E. Ya bojus'.] // Санкт-Петербург: Дом искусств. 1921, № 1, 3 – 4.
- Замятин 1989:** Замятин, Е. Мы. [Zamyatin, E. My.] // *Антиутопия XX века*. Москва: Книжная палата, 1989.
- Зверев 1989:** Зверев, А. М. Зеркала антиутопий. [Zverev, A. M. Zerkala antiutopij.] // *Антиутопия XX века*. Москва: Книжная палата, 1989.
- Казнина 2015:** Казнина, О. А. Конфликт Я и Мы в произведениях Е. И. Замятина и В. В. Набокова. [Kaznina, O. A. Konflikt Ya i My v proizvedeniyah E. I. Zamyatina i V. V. Nabokova.] <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://litinstitut.ru/sites/default/files/vestnik/2014\_4/vestnik\_li\_2014\_4\_004\_kaznina.pdf> (5.04.2025).
- Кольцова 2019:** Кольцова, Н. З. Творчество Е. Замятина: Проблемы поэтики. [Kol'tsova, N. Z. Tvorchestvo E. Zamyatina: Problemy poetiki.] // *Москва: Издательский дом ЯСК, 2019.*



- Оруэлл 1946:** Оруэлл, Дж. Рецензия на «Мы» Е. И. Замятина. [Orwell, G. Retsenziya na «My» E. I. Zamyatina.] <[https://www.orwell.ru/library/reviews/zamyatin/russian/r\\_zamy](https://www.orwell.ru/library/reviews/zamyatin/russian/r_zamy)> (12.01.2025).
- Скороспелова 2014:** Скороспелова, Е. Б. Возвращение. [Skorospelova, E. B. Vozvrashhenie.] // *Е. И. Замятин: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014, 10 – 22.
- Солдатов, Тузовский 2010:** Солдатов, В. Е., Тузовский И. Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума. [Sotsiokul'turnoe prostranstvo v antiutopiyah: osnovnye cherty modeliruемого sotsiuma. // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2010. № 3, 40 – 50.
- Тынянов 1993:** Тынянов, Ю. Н. *Литературный факт*. [Тынянов, Ю. Н. Literaturnyj fakt.] // Москва: Высшая школа, 1993.